

СЕКЦИЯ 4. «БУДУЩЕЕ УЖЕ НАЧАЛОСЬ» ФИЛОСОФСКАЯ ФУТУРОЛОГИЯ ОБ ОСНОВНЫХ ТРЕНДАХ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ

Т.И. Адуло, заведующий Центром
tadoul@mail.ru

Институт философии НАН Беларуси (Минск)

Т.И. Адуло. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА – ИМПЕРАТИВ XXI ВЕКА

В последнее время в обиход ученых и политиков основательно вошло понятие «цифровая экономика», семантика которого достаточно размыта. Под цифровой (электронной) обычно понимают экономику, базирующуюся на цифровых технологиях, или же привязанную к ним (т.н. электронную коммерцию). На уровне обыденного сознания она представляется, порой, как экономика, осуществившая перевод сопровождающей ее документации (контрактов, расчетов, отчетности и т.п.) с бумажного на электронный носитель. Иногда цифровую экономику представляют в виде экономики, использующей новейшее программное обеспечение. Пока более-менее четко вырисовываются два взгляда на этот социальный феномен: а) как на отдельный, специфический сектор экономики, б) как на всю экономику, постепенно обретающую новое качество под воздействием активно развивающихся информационных технологий.

Обратим внимание на то, что «цифровизация экономики» не делает ее, на наш взгляд, виртуальной реальностью, как и сам производственный процесс, в котором по-прежнему участвуют люди (физические существа) – наниматели и наемные работники, и где, как и ранее, по определенным правилам выстраиваются между ними взаимоотношения. В цифровой экономике, как и в традиционной, формируются взаимосвязи между наемными работниками. Наконец, и в эпоху цифровой экономики, безусловно, будет осуществляться производство и воспроизводство самого человека. Об этом приходится говорить, поскольку отдельные проектировщики цифровой экономики, оперируя виртуальной реальностью, в своих разработках не учитывают (возможно, даже осознанно) социальные противоречия и антагонизмы, произрастающие на базе объективной реальности – нынешней глобальной экономики, не ставят вопроса о том, сохранятся ли они в новой экономике. Социальные проекты цифровой экономики, тем самым, снимают с повестки дня экономические

противоречия современного глобального мира, не выясняют их природу и сущность, а, следовательно, не дают ответа по поводу путей их преодоления. Создается впечатление, будто бы в эпоху цифровой экономики они исчезают.

На самом деле, цифровую экономику не следует отрывать от той социальности, на базе которой она произрастает. А эта социальность – современный глобальный мир. Следовательно, и цифровая экономика – это не что-то абсолютно новое. Это – та реальность, которая формируется нынешним глобальным капитализмом с присущими ему антагонизмами. По этой причине и выстраиваемая новая экономика не будет лишена противоречий и антагонизмов. Цифровая экономика, к сожалению, не упраздняет отчужденных (превращенных) форм социальности, характерных для капиталистического способа производства, природа, сущность и способы преодоления которых были раскрыты К. Марксом и Ф. Энгельсом.

В этом плане, думается, более пристального внимания заслуживает понятие и феномен «интеллектуальная экономика» как возможная альтернатива цифровой экономике. По своему содержанию оно шире и глубже используемого сейчас понятия «цифровая экономика». Оно нацеливает познающего субъекта на уяснение сущности производственного процесса в целом, включая самого человека и его социальные связи с другими такими же субъектами этого процесса.

С точки зрения интеллектуальной экономики важны не носитель сопровождающей производственный процесс документации и не виртуальная реальность. Главное для нее – сам производственный процесс, рассматриваемый с позиции его интеллектуальной составляющей, а также человек, занятый в производственной сфере.

XXI век – это век торжества интеллекта. Только те государства смогут претендовать на лидерство, которые превзойдут другие государства по уровню развития интеллекта своих граждан, по интенсивности и грамотности его использования. Вот почему наряду с борьбой за природные ресурсы всё масштабнее разворачивается в современном мире борьба за интеллект.

Почему, скажем, Россия, да и другие постсоветские государства, выпали на обочину современного исторического процесса, почему с ними сегодня не считаются? Ответ очевиден даже на уровне обыденного сознания. Прежде всего, это связано с тем, что они за три десятилетия своего «суверенного» существования не только не развили интеллектуальную составляющую своих государств (особенно в экономической сфере), но даже не сохранили то, что было создано в эпоху СССР, и что они получили в наследие. А доставшееся каждому из образовавшихся на постсоветском пространстве субъектов интеллектуальное наследие (имеется в виду наука, культура, технологии и т.п.) было огромным.

По историческим меркам тридцать лет – небольшой срок, по меркам же нашей чрезмерно спрессованной и динамичной эпохи, – это, наоборот, чуть ли не вечность. В первой половине XX века, когда темпы динамики социума были значительно ниже, чем сейчас, СССР всего за каких-то неполных

двадцать лет относительно мирной жизни сумел совершить в интеллектуальном развитии граждан и страны в целом гигантский рывок – фактически с нуля создал мощнейший народнохозяйственный комплекс, сформировал отечественную науку, разработал технологии, не только не уступающие, но и во многом превосходящие западные аналоги, что подтвердилось в годы Великой Отечественной войны. А что принципиально нового создано постсоветскими государствами? Они, к сожалению, лишь пытаются кого-то догонять, т.е. выступать все время в роли «догоняющих». Политики даже не ставят цели вывести свои государства в лидеры. Публично, конечно, они об этом иногда заявляют, правда, не подкрепляя при этом подобного рода заявления практическими действиями.

Ставя задачу формирования на постсоветском пространстве интеллектуальной экономики, нельзя не коснуться вопроса о путях ее выстраивания. Не претендуя на истину в последней инстанции, хотелось бы, тем не менее, вынести на рассмотрение ряд конкретных предложений, к коим можно отнести следующие:

1. *На государственном уровне необходимо сделать ставку исключительно на развитие интеллекта своих граждан.* Вроде бы ничего нового: об этом постоянно говорится на самом высоком уровне. Достаточно ознакомиться с посланиями глав постсоветских государств, а также с принимаемыми законодательными актами. Однако в практическом плане делается не так много. Например, Россия (и не только она) как государство до сих пор живет за счет экспорта природных ресурсов, превратившись в придаток глобальной мировой системы, хотя об опасности такой стратегии политиков предупреждали ученые и философы еще в 90-е годы прошлого века. Эта стратегия полностью исчерпала себя, что признают даже те политики, которые стояли у истоков «перестройки». Она исчерпала себя не в том плане, что исчерпались природные ресурсы страны, хотя они не безграничны, а в том, что, не обладая серьезным национальным интеллектуальным капиталом (в самом широком смысле этого слова), не создав экономику, базирующуюся на новейших знаниях, потеряв фундаментальную науку и технологии, Россия уже не в состоянии не только противостоять своим «партнерам» (по существу своим недругам, постоянно использующими дубинку санкций), но даже на равных с ними условиях заключать какие-либо соглашения. Россия, обладающая мировыми запасами сырья, и сделав на него ставку, тем не менее, оказалась уязвимой со всех сторон: ей постоянно диктуют, куда, по каким ценам и каким путем поставлять свои ресурсы, и она с этим соглашается, поскольку вся система жизнеобеспечения государства поставлена в зависимость от её «коллег-партнеров», обладающих более высокими технико-технологическими разработками, интеллектуальным потенциалом в целом. Как отмечает Г.А. Явлинский, восприятие России «все больше отражает ее нынешнее состояние пусть и весомой, но периферийной и сравнительно малозначимой части мирового хозяйства, чья роль, с одной стороны, сводится преимущественно к

поставкам нефти и газа, некоторых других сырьевых продуктов, а также торговле «ширпотребом» ВПК и оказанию некоторых транспортных услуг, а с другой – к потреблению товаров массового спроса» [1, с. 10].

Беларусь, учитывая горький опыт своих соседей, попыталась проводить самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, не декларировать, а создавать реально функционирующее «социальное государство». Но тут же натолкнулась на жесткое противостояние Запада и Востока, поскольку самостоятельная политика и реальное «социальное государство» оказались для многих мировых субъектов лишь очередным политическим пиаром, не более. Социальное государство можно было бы построить, но только сообща, а не в одиночку. СССР предпринял такую попытку, но закончилась она трагично. И хотя успехи были весомы, достигались они невероятными усилиями. Как только не удалось военным путем разрушить СССР, посягнувший на устои капиталистической системы, были задействованы другие апробированные инструменты из арсенала многовековой колониальной практики.

Таким образом, главная задача, которую предстоит решить в обозримом будущем, – формирование национального интеллектуального капитала как той базы, на которой возможно выстраивать новую экономику, способную гарантировать национальную безопасность. В свое время еще Д.И. Менделеев, активный борец за сохранение национальных природных богатств России и их рациональное использование в интересах собственного государства, заявлял: «...осмеливаюсь заметить, что если бы только в отношении к каменному углю и железу действительность столь же быстро и столь же широко оправдала законные ожидания, основанные на знакомстве с русской природою, как оправдались ожидания и меры, касавшиеся бакинской нефти, тогда бы и промышленная будущность Отечества и его экономическая независимость стали бы действительностью» [2, с. 196]. Иностранцев инвесторов, полагал он, можно привлекать лишь временно, лишь с той целью, чтобы накопить отечественный капитал, необходимый для образования и развития отечественной науки. В дальнейшем предлагал избавляться от них.

2. Решить эту масштабную задачу поодиночке постсоветские страны не смогут. Следовательно, необходимо преодолевать всякого рода межстрановые и межэтнические противоречия, умело используемые политическими оппонентами, проявлять инициативу снизу, ибо объединительная инициатива сверху зачастую оказывается мнимой. В данной ситуации мы исходим из того, что **сравнительный анализ стратегий социально-экономического развития России, Беларуси и Казахстана, главных субъектов ЕАЭС, позволяет говорить о их сходстве. Все три государства ориентированы на мощное технологическое развитие, формирование высокотехнологичных компаний, производство собственной наукоёмкой продукции, все ставят цель войти в группу лидирующих государств.**

3. Интеллектуальная экономика должна выстраиваться на равноправных, взаимовыгодных условиях, и в этом смысле ее можно было бы назвать «гуманной экономикой», в отличие от «глобальной экономики», выстроенной в интересах одних субъектов за счет других.

Интеллектуальный капитал (ИК) связан с человеческим разумом, представляет собой продукт его деятельности. В данном случае разум трактуется не только в виде актуально существующих многочисленных индивидуумов – мыслящих существ. Он понимается шире – как надындивидуальный разум, как обобщенный продукт мыслительной деятельности людей, причём не только живущих, но и ушедших из жизни, передавших потомкам результаты своего мышления в виде зафиксированных в книгах идей и объективированного сгустка интеллекта в созданных ими когда-то материальных объектах. При этом ИК не имеет строго очерченных границ. Еще в древнюю эпоху даже при столь не развитой системе коммуникации люди общались между собой, осуществляли дальние поездки, в результате чего происходила трансляция ИК. Это не означает отсутствие средоточия специфического ИК в конкретном государстве, или же регионе, в силу специфичности практически-преобразующей деятельности субъектов данного государства или же региона.

Наиболее фундаментальный пласт интеллектуального капитала – сегмент науки, представляющей собой высшую форму проявления человеческого разума. Именно поэтому на государственном уровне следует решать задачу развития фундаментальной и прикладной науки. Но именно эта задача и отдана на откуп либерального рынка. А ведь в СССР на научные исследования государство выделяло около 5% ВВП. В настоящее время внутренние затраты Беларуси на научные исследования и разработки составляют 0,61% к ВВП. Россия также не щедра на научные разработки: её внутренние затраты на исследования и разработки составили в 2016 году 1,10% к ВВП, однако из средств федерального бюджета финансирование науки составило лишь 0,47% к ВВП. По сравнению с развитыми государствами – это мизер. В 2016 году в Израиле они составили 4,25% к ВВП, Корее – 4,24%, Японии – 3,15%, Финляндии – 2,75%, Швеции – 3,25%, Германии – 2,94%, Дании – 2,87%, Китае – 2,11% [3, с. 148–149]. Впрочем, и ВВП не только Беларуси, небольшого государства, но и России не столь велики, как Китая или Германии.

Финансирование науки, хотя и весьма важное, но, тем не менее, лишь одно из необходимых условий ее успешного развития. Науку делают люди, причем самоотверженные. И здесь также сложилась негативная ситуация. Она связана с падением престижа научной деятельности. Начиная с 1990-х годов, социальный статус ученого, педагога резко понижался. Были периоды, когда оставались незаполненными места в аспирантуру и докторантуру. Все это свидетельствовало о разбалансированности системы подготовки научных кадров и в первую очередь кадров высшей квалификации. Сложившуюся и достаточно эффективно работавшую систему формирования ИК,

представлявшую собой цепочку в виде: школа – вуз – аспирантура – докторантура – НИИ отбросили, а новая, выстраиваемая в русле Болонского процесса, пока себя не оправдала. Поэтому необходимо в ближайшее время завершить растянувшийся на долгие годы процесс реформирования научной и образовательной сфер, взяв за основу лучшие стороны прежней системы подготовки специалистов.

Список источников

1. Явлинский, Г.А. Периферийный авторитаризм / Г.А. Явлинский // Как и куда пришла Россия. М.: «Московские ведомости», 2015. 264 с.
2. Менделеев, Д.И. Материалы для пересмотра общего таможенного тарифа Российской империи по Европейской торговле // Д.И. Менделеев. Сочинения. Т. XVIII. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – С. 187–503.
3. Беларусь и страны мира. Статистический сборник. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2018. 392 с.

***Е. В. Бычкова**, магистрант
pagira@mail.ru
МГУ им. А. А. Кулешова (Могилев)*

Е. В. Бычкова. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ПОЯВЛЕНИЯ НЕТИПИЧНОЙ ТРУДОВОЙ ЗАНЯТОСТИ

Тенденция развития нетипичных форм занятости стала абсолютной для современных социально-экономических отношений начиная с 80-х годов XX в. В настоящее время нестандартно занятые составляют значительный и один из наиболее динамичных сегментов рабочей силы на рынках труда многих стран мира. Как известно, «Стандартная занятость» также не всегда была социальной и правовой нормой и появилась в конце XIX в. в условиях развивающейся индустриализации. Поэтому стандартную занятость можно рассматривать как атрибут присущий именно индустриальной экономике, стереотип такой занятости определялся тем, что по окончании своего образования большинство людей должны были устроиться на работу с полным рабочим днем к одному работодателю на все время до достижения пенсионного возраста [1, с. 129].

Уже с конца XX в. производственно-экономические изменения обусловили массовое отклонение от стандартных условий занятости. Ряд экономистов причины появления нестандартности в организации занятости населения и отказа в трудовых отношениях от коллективных договоров и жесткой государственной регламентации занятости стали связывать с нефтяным кризисом, последствием которого стало замедление темпов